

Б. А. БОГОРОДСКИЙ

К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь»¹

Образность светской литературы сразу пошла по пути, открытому живым русским языком и устнопоэтической традицией.

(В. П. Адрианова-Перетц)

I

Без полного фразеологического словаря, особенно исторического, трудно изучать вопросы происхождения и развития устойчивых словосочетаний, бытующих в литературном языке и живой народной речи. Новый академический словарь в 17 томах, раскрывая богатства лексических запасов современного языка, нередко проходит мимо тех фразеологизмов, которые имеются в словарной картотеке, служившей ему базой при составлении. К таким незамеченным фразеологизмам и относится переосмысленное словосочетание «бросать (бросить) якорь» 'обосноваться, остаться жить на выбранном месте'.²

Нетрудно догадаться, что анализируемое словосочетание в его прямом значении бытовало раньше всего в речи водников, ведь «якорь» — их профессиональный термин, а «бросать якорь» 'стать на якорь' — название самой обычной операции в их судоходной практике. Вот примеры из живой речи моряков, записанные на юге и севере: «Бросали завожный якорь». Керчь, 1939 г.; «Шли буксиром, а потом бросили якорь». Ленинград, 1962 г. В речи профессионала-моряка бытует и гораздо более специальное «отдавать (отдать) якорь»: «Пришел как-то „Ташкент“ в бухту Тикси. Встал у острова Брусинова. Отдали якорь». Газ. «Водн. транспорт», 1 VI 1967, № 65 (5197). Ср. в живой речи: «Отдаем якорья». Керчь, 1939 г. Старые и новые морские словари регулярно отмечают оба выражения как однозначные: «Отдай или бросай якорь!». Трехязычный морской словарь А. Шишкова, 1795 г., стр. 41; «Бросать якорь —

¹ Материалом статьи послужили иллюстрации из Картотеки Древнерусского словаря, составленной под руководством проф. Б. А. Ларина (Москва, Институт русского языка АН СССР), Картотеки XVIII в. и Картотеки Словаря современного русского языка (Ленинград), а также записи живой речи водников Черноморского и Балтийского флота, сделанные в течение ряда лет автором статьи.

² В вышедшем из печати «Фразеологическом словаре русского языка» (Под ред. А. И. Молоткова, М., 1967, стр. 50) «бросить якорь» хотя и зарегистрировано, но, к сожалению, осталось без иллюстраций; оба примера, приведенные словарем, указывают употребление синонимичного «кинуть якорь».

опускать его на дно; то же, что и отдать якорь». Краткий морской словарь М. и Д. Сулержицких, 1965 г., стр. 39. Оба словосочетания охотно отмечаются толковыми словарями литературного языка, что свидетельствует о широком употреблении выражений за пределами профессиональной речи.³ Операцию эту называют еще и иначе: «кидать (кинуть) якорь». Ср. укр.: «кидати якір». Вот пример из русского языка XVIII в.: «Когда Адмирал пожелает, дабы во флоте другой якорь кинули, надлежит выстрелить един выстрел...». Устав мор., 403, 1720 г. Бытовало и еще одно словосочетание, теперь вышедшее из профессионального употребления, — «метать якорь»: «А якоря в море в том месте не метали, опасались великой фортуны». Дн. Толст., I, 507, 1697 г.; «Прибежали карабли под славной Киев град, якори метали в Непр реку, сходни бросали на крут бережек». Кирша Дан., 2, XVIII в. В языке допетровского времени употреблялось также книжное «свергнути (ввергнути, вергнути) якорь»: «И глаголя [старейшина] корабленником: сверзите якори на землю, привяжите корабль наш». Ж. и чуд. Николы, 50, XIV в. ~ XI в.; «В вергохом якорь и, седши в карбус, часа 22-го к Кандии приплыхом». Похожд. Рад., 19, 1695 г. ~ 1584 г. Однако из всех синонимических словосочетаний наиболее широким в употреблении оказалось разговорное «бросать (бросить) якорь». В письменных памятниках, начиная с Петровского времени, легко найти этот профессионализм: «Егда начальник каравана похочет якорь бросить в день, тогда 3 ис пушки выстрелить вскоре один по одному». Птр. I, 64, 1696 г.; «Наконец принесло их к Камчатским берегам близ Курильской лопатки, где они от берегу верстах в пяти, брося остальные свои якори, остановились и начали свозить нужные вещи на берег». Краш. Опис. Камчатки, ч. IV, 1755 г., стр. 223.

В языке письменности более раннего времени вопреки ожиданиям не встретилось словосочетания «бросать (бросить) якорь». В иллюстрациях с термином «якорь» недостатка нет. Самое раннее употребление слова — в Договоре Олега с греками 907 г. И с тех пор вплоть до нашего времени «якорь», вместе с другими греческими заимствованиями, как «парус», «корабль», «лимень» (позже «лиман»), продолжает свидетельствовать о давней высокой мореходной культуре русских. Греческое «якорь» вытеснило у нас общеславянское «котва».⁴ Нам известно отразившееся в поздних письменных памятниках, а на самом деле очень старое «вметати котву»: «Котвы или якори вметающе во глубину, потопляхуся». Ж. Нифонта, 531, XVII—XVIII вв. «Котва» упоминается в «Словаре» Поликарпова 1704 г., но в XVIII и XIX вв. постепенно выходит из употребления. В. И. Даль характеризует его как «старое».⁵

История слова «бросать (бросить)» в противоположность термину «якорь» все еще остается загадочной.⁶ Ни украинский словарь Б. Д. Гринченко, ни белорусский И. И. Носовича, ни древнерусский И. И. Срезневского не указывают этого слова. «Бросать» 'кидать' удалось обнаружить в языке перевода хорошо известной в России польской «Хроники» Мартина Бельского (Kronika, to jest historia świata, 1580): «И дикие люди метались за

³ См., например, в «Толковом словаре русского языка»: «бросить якорь — стать на якорь» (т. IV, М., 1940, стр. 1461), «отдать якорь — опустить якорь» (т. II, М., 1938, стр. 915).

⁴ Русскому «бросать якорь» соответствуют: болг. «пускам кѳтва»; серб.-хорв. *baciti sidro*, ср. *ukôtviti se*; польск. *zarzucać kotwicę*.

⁵ Сейчас в языке водников остались «котѳвка» 'якорек о трех, четырех лапах' да не указанное В. И. Далем «подкотѳвить» 'найти с помощью котѳвки оторвавшийся канат, якорь в воде'.

⁶ О происхождении слова нет единого мнения. См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 218.

ними (людьми Хр. Колумба, — Б. Б.) в воду и выныряли по пояс, бросали на корабли поленье и корабль у них один и с людьми ухватили, а иные едва ушли».⁷ Очевидно, «бросать» в XVI в. уже входило в лексический состав русского литературного языка. Несколько позже оно отразилось в записях Ричарда Джемса 1618—1619 гг., при этом в повелительной форме, указывающей на употребление слова в широкой разговорной речи: «брусѧ суды».⁸ Еще позднее мы видим его в языке сибирских документов: «И тем ветром бросило коч на берег на сухой, и коча де снять с мели не могли». Распросные речи тобольского сына боярского Дм. Черкасова с товарищами, 1644 г.⁹ Во второй половине XVII в. слово уже широко бытует в деловой письменности: «Князя Ивана Семеновича Прозоровского бросил с роскату». Указ ратным людям... 1670 г.;¹⁰ входит в язык художественной литературы: «И Бова взял злата и сребра и покрывал камками и бархаты да и бросил рыболову в подъездок». Бова, 31, XVII в. В Петровское время слово выступает в языке «Походных журналов», «Разговоре у адмирала с капитаном о команде...» 1724 г. Начинает отмечаться словарями: «Бросание, бросаю, брошен». Лекс. треяз., 1704 г. Быстрый и широкий подъем в употреблении слова «бросать» 'кидать' в XVII—XVIII вв., известность в языке самых различных жанров — все это свидетельствует о том, что и для XVI в. оно не было новым. Давность слова с этим значением подтверждается также отражением его в языке фольклора: «Чем чорт не играет, а ощепками бросает». Сим. посл., 210, XVII—XVIII вв.; «Якоря бросали булатные». Онеж. был. Гильф., I, 518. О том же свидетельствуют однокоренные слова: «выбросило на берег...» ДАИ, IV, 26, 1655 г.; «девиц в море побросали». Гист. Вас. Кор., нач. XVIII в., и др. Примечательно, что «бросать» 'кидать' чаще всего встречается в текстах, где речь идет о воде, реке, море. Вероятнее всего, слово издавна бытовало в языке населения, занимавшегося рыбным промыслом на северных реках. Немало слов, неизвестных письменности, хранится в живой разговорной речи. Открытие новых источников и более тщательная выборка лексики из старых известных памятников перенесут дату употребления слова с XVI в. в глубь истории.¹¹

Давним следует считать и разговорное «бросать (бросить) якорь». Вначале оно было обычным свободным оборотом с прямым значением слов. Но в истории языка в нем наметился переход от конкретного значения к метафорическому, слабели первичные значения слов, рождался второй смысловой план, хотя никаких грамматических изменений в словосоче-

⁷ Цит. по: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Полов. М., 1869, стр. 177.

⁸ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, стр. 10.

⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951, стр. 80.

¹⁰ Крестьянская война под предводительством Ст. Разина, т. II. М., 1957, стр. 23.

¹¹ Уже устаревшим оказалось утверждение П. Я. Черных о том, что «бросать» 'кидать' известно лишь «со времен смуты». Найденная им цитата из речи арзамасца Болтина «бросали с башен» из так называемого Карамзинского хронографа не является самой ранней, как, вероятно, и наша иллюстрация из «Хроники» Бельского не первая по времени. Полисемантичность слова сама по себе говорит о его давности. См.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 186—188.

тании, в сущности, не произошло, если не считать, что в образовавшейся метафоре до самого последнего времени в употреблении был главным образом совершенный вид глагола.¹²

II

Семантический сдвиг в словосочетании наметился не в книжной речи и даже не в широком общенародном языке, а в той самой профессиональной среде, где словосочетание бытовало в своем первичном значении. Не случайно, что фразеологизм «бросать (бросить) якорь» (добавочное значение и сделало его фразеологизмом в собственном смысле слова), а также его фразеологические синонимы встречаются в речи как южных, так и северных мореходов. Рассказывая автобиографию, один из черноморских боцманов заметил: «В пятом году положи́л яко́рь в Феодосии». Феодосия, 1939 г. Смысл реплики старого моряка совершенно ясен: «остался на постоянное жительство в Феодосии». Ср. «класть яко́рь» в собственном значении, где нет никакого переосмысления: «Во время шторма паруса берем в рифы и текаем в порт или кладем якорь». Керчь, 1939 г. И надо было слышать, как феодосийский моряк с особой интонацией подчеркнул свое профессиональное «положить якорь», обратив тем самым внимание на то, что для него это выражение хорошо известно и в прямом и в переносном значениях. Таким образом, мы, в сущности, присутствуем при самом образовании фразеологизма.

Для моряка «бросить якорь» означает не только «опустить якорь на дно», а и «стать на якорь», т. е. задержать судно на месте, остановиться. А дальше естествен был смысловой переход от остановки на воде к остановке на суше. Так оно и было в действительности. Вот пример с образовавшимся дополнительным значением из речи матроса с балтийского судна: «Дело — труба, кинул море, бросил якорь на сушу». Ленинград, 1967 г. «Что значит бросить якорь на сушу?», — спросил я у другого моряка. «На судне бросают якорь только в воду», — ответил он. Ему не пришлось сразу на память переносное значение словосочетания. Заметим, что сначала метафора выражалась более широким «бросить якорь на сушу», а потом это выражение несколько сократилось. Иначе реагировал на наш вопрос капитан судна: «„Бросить якорёк“ — это литературно приукрашено; у нас — „отдать якорь“, но „бросить якорёк“ — остаться жить на данном месте — имеет место», т. е., пояснили бы мы, известно в языке моряков. Характерно, что вместо «якорь» в речи капитана оказалось «якорёк». Это свидетельствует о некотором отходе от точного профессионального «бросить якорь» и о расширении сферы употребления фразеологизма. Очевидно, словосочетание к нашим дням «проторило уже себе дорогу» из узкой профессиональной среды в широкую общенародную.

Но когда же родился данный фразеологизм? А лучше спросить: когда и как он утвердился в языке? Письменные памятники, в том числе и делового характера, скупо отражают устойчивые словосочетания в их переносном значении. Иногда можно определить хронологию фразеологизма,

¹² Словосочетания со словом «якорь» легко поддавались метафоризации не только в русском, но и в других языках. Например, франц. *tenir sur ses ancres* — не только «держаться на якорё», но и «быть в добром здравье»; *s'affourcher sur ses ancres* — «стать на якорь» и «уйти на покой» (Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963, стр. 56). Ср. англ. *cast (или drop) anchor* «бросить якорь», «остепениться», а также «найти тихую пристань» (А. В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967, стр. 40).

зная даты заимствования тех слов, которые входят в его состав. Так, «взягь на буксир» ни в первичном 'подать трос на другое судно, чтобы тянуть его за собой', ни в переносном 'помогать кому-либо в работе' не могло возникнуть ранее XVIII в., когда русский язык заимствовал слово «буксир». Словарь под ред. Д. Н. Ушакова указанный фразеологизм считает совсем новым, употребительным в языке современной газеты.

По формальным языковым признакам нельзя точно определить время образования анализируемого нами фразеологизма. В нем нет ни архаизмов, ни грамматических аномалий. Могут помочь соображения историко-культурного характера. Фразеологизм, вероятно, появился после того, как произошло учреждение института регулярной армии и флота (нач. XVIII в.), когда после долгой службы на флоте моряк должен был выбрать себе место для постоянного жительства. Именно в Петровскую эпоху, когда широко развивалось морское дело, когда часто стало встречаться в употреблении терминологическое «бросать (бросить) якорь», могла возникнуть метафоризация привычного морского словосочетания.

Известны и другие метафорические словосочетания со словом «якорь», образовавшиеся в ту же, может быть несколько раннюю пору: «...паче в писание разум прилагати, зане ухищренный мужь не имать противитися нещастию, но парусы свои опустивше, стояти до времени потребна, дабы возмогл после выправить якори». Ремез. лет., 363, XVII—XVIII вв. Речь идет о прилежании к изучению военного искусства. «Опустить парусы» и «выправить якори» — два образных выражения, указывающих сначала на пассивное, а потом активное поведение опытного воина, встретившегося с временной неудачей в бою. Интересна пословица, образовавшаяся, по всей вероятности, в языке речников: «Сколько лодзе не рыскать, да у якоря быть». Сим. посл., 195, XVII—XVIII вв. Пословица сложилась, конечно, не в XVII в., а гораздо раньше.¹³ А вот еще образное использование трех терминов — «корабль», «ветер» и «щегла» 'мачта': «Кораблю пучинопловну, душе, уподобилася еси, всяческими ветры обуреваема лютыми... Внемли убо, да всегда управляема бываеши хлады, глаголю же всесвятаго духа наставлении ... оным утвержаючи непреклонну щоглу сердца своего». М. Грек, II, 23, конец XVI в. Такого рода метафоры входят в большую группу поэтических образов, тематически связанных с морем и мореходством, например: море 'жизнь', волны 'бедствия', корабль 'судьба человека' — и находят отражение в языке различных жанров древнерусской литературы, а позднее они перенесены были в украшенный исторический стиль XV—XVI вв.¹⁴ Но в противоположность традиционным книжным метафорам типа корабль 'душа', словосочетание живого, разговорного языка «бросать (бросить) якорь» свободно от дидактической символики средневековья, носит светский характер, поэтому и может быть отнесено предположительно к Петровской эпохе.

III

Широкое стилистическое использование метафорического словосочетания началось с конца XVIII в. и продолжается вплоть до наших дней. Фразеологизм проник в разные жанры художественной литературы; значение его сделалось более емким, тесно связанным с тем контекстом, где

¹³ Ср.: «Где лодья ни рыщет, а у якоря будет» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб.—М., 1909, стр. 1571).

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 45—53.

он употреблялся; не мог не изменяться при этом и лексический состав фразеологизма. Намечается, как будет показано ниже, два стилистических плана в использовании фразеологизма. Первый преимущественно в текстах поэтического характера. Морская лексика употребляется здесь не ради того, чтобы создать реалистический морской пейзаж или нарисовать образ моряка в обычной для него трудовой корабельной жизни. «Бросить якорь» не значит здесь «остаться жить на данном месте». Сочетаясь со словами книжными, отвлеченными, «бросить якорь» переосмысливается, помогает характеристике внутреннего мира человека, при этом человека, необязательно связанного с морской профессией. Позже возникает другой стилистический план. «Бросить якорь» употребляется без обычной морской лексики и попадает в тексты с конкретной, живой, разговорной речью; здесь фразеологизм уже не является элементом внутренней характеристики человека, а говорит о перемене условий его жизни, означает «осесть, остаться на постоянное местожительство»; при этом он может относиться не только к моряку, но и к любому другому персонажу; значение фразеологизма становится более конкретным. Смена одного стилистического плана другим приходится на середину XIX в., когда реалистическая художественная литература достигает полного развития.

Трудно найти употребление разговорного «бросать (бросить) якорь» с бытовым значением в языке высокой поэзии XVIII в. Г. Р. Державин предпочел использовать «стать на якоре», т. е., в сущности, взял значение терминологического «бросить якорь», но расширил словосочетание, наделив его новой семантикой: «Но тот блаженнее, кто в тихом Заливе совести почив, Не загружен добром, ни лихом, Страстей ветрила опустив, Ума на якоре глубоком Стал в чолне и спокойным оком На суету мирскую зрит». Г. Р. Державин. На новый 1798 год. Соч., ч. II, 1808, стр. 63. Залив, ветрила (паруса), челн, якорь — вся эта конкретная лексика смело перемешана с абстрактной: залив совести, ветрила страстей, якорь ума. Все подчинено задаче характеризовать внутренний мир человека. Текст насыщен инверсиями, переведен в интеллектуальный план; трудно и определить, что собственно означает риторическое «ума на якоре глубоком стал в чолне». Все метафоры, сменяющие одна другую, предлагают человеку, вступающему в новый год жизни, утвердиться в поведении, отвечающем правилам добродетельной морали. Державинское «на якоре стать» мало чем напоминает семантику разговорного «бросить якорь».

Иная переосмысленность наблюдается в языке Н. М. Карамзина. По-видимому, именно он первым использовал фразеологизм «бросить якорь» в языке художественной литературы. Метафора встретилась в «Письмах русского путешественника»: «Зависть воздвигала бури против моего славного и добродетельного супруга, но он с чистою душою смело стоял на корме, крепко держался за руль совести, рассекал волны, спасая от кораблекрушения, в глубокую осень жизни своей бросил якорь и вышел на тихий берег уединения». Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, стр. 311—312. «Бросить якорь» у Н. М. Карамзина поставлено среди других названий: буря, волны, корма, руль, кораблекрушение; вся эта лексика служит художественной обрисовке характера честного и смелого капитана, до конца выполнившего свой высокий долг. Характеристика моряка дана его супругой. Текст почти без всяких инверсий, однако абстракция совсем не исчезла: руль совести, берег уединения. Но «в глубокую осень жизни своей бросить якорь» приобретает совершенно ясный смысл: «оставить морскую службу в глубокой старости».

Несколько позже не без влияния фразеологизма «бросить якорь» возникает его синоним, при этом снова в поэтическом языке: «Нет где бы взору отдохнуть, Где б мысли якорь свой воткнуть: В безбрежной бездне пустоты Теряются глаза, мечты». П. А. Вяземский. Прогулка в степи. Полн. собр. соч., т. IV, СПб., 1880, стр. 107. «Бросить» заменяется словом «воткнуть» 'вонзить'; «где б мысли якорь свой воткнуть» означает 'где бы остановить, задержать течение своей мысли'. П. А. Вяземский не дает перечня привычных переосмысленных морских слов или словосочетаний, и это ново. Но фразеологизм, как и раньше, применяется к сфере интеллектуальной жизни.

«Бросить якорь» встречается в языке А. И. Герцена, при этом вне окружающей мореходной лексики; значение объяснено самим автором и полярно противоположно обычному 'остаться жить на данном месте': «В самом деле, человек, наконец, находится вынужденным бросить якорь в собственной груди или перестать жить». А. И. Герцен. Письмо Т. Н. Грановскому 21—26 (9—14) сентября 1849 г. Собр. соч., т. XXIII, М., 1961, стр. 183.

Новую страницу в жизни фразеологизма открывает И. А. Гончаров: «Повыситься из статских в действительные статские, а под конец, за долговременную и полезную службу и „неусыпные труды“ как по службе, так и в картах, — в тайные советники, и бросить якорь в порте, в какой-нибудь нетленной комиссии или в комитете с сохранением окладов, — а там, волнуясь себе человеческий океан, меняйся век, лети в пучину судьба народов, царств...». И. А. Гончаров. Обрыв, ч. I, 1. Собр. соч., т. V, М., 1953, стр. 10. Весь текст окрашен здесь иронией; «бросить якорь» выступает в непривычной для него среде, рядом с названиями чинов, комиссий, комитетов, и имеет значение «пристроиться на берегу, бросив морскую службу». В таком смысле и с такой именно стилистической окраской фразеологизм встречался, очевидно, в разговорной речи моряков того времени. Ср. в современном языке: «Болтался, болтался, да и зацепился на берегу, бросил якорь на сушу». Ленинград, 1967 г.

Фразеологизм активно продолжал использоваться в текстах реалистических произведений. Метафора обнаруживается в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», но не в речи автора, а в языке Мити Карамазова, в его беседе с Алешей, в главе «Исповедь горячего сердца»: «Почему рвался к тебе, жаждал сейчас тебя, все эти дни, и сейчас? (Я здесь уже пять дней, как бросил якорь). Все эти дни? Потому что тебе одному все скажу, потому что нужно, потому что ты нужен, потому что завтра лечу с облаков, потому что завтра жизнь кончится и начнется». Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, ч. I, кн. III, 3. Собр. соч., т. 9, М., 1958, стр. 134. Достоевский использует фразеологизм в самом обычном его смысле — 'остановиться, стать жить на этом месте'. Метафора заключена в скобки, как будто автор не придает ей особого значения, однако введение этого краткого, но выразительного фразеологизма подчеркивает вынужденный приезд Мити в родной город и длительное мучительное в нем пребывание. «Бросить якорь» в речи Мити, таким образом, имеет глубокую связь с образом героя.

По-своему, но тоже в реалистическом плане использует фразеологизм М. Горький: «Ребенок родился крупный, тяжелый, но через 5 месяцев умер от угара, мать тоже едва не умерла, угорев вместе с ним: „Ну что ж! — утешал отец Петра на кладбище. — Родит еще. А у нас теперь своя могила здесь будет, значит — якорь брошен глубоко. С тобой — твое, под тобой — твое, на земле — твое и под землей — твое, — вот что крепко ста-

вит человека». М. Горький. Дело Артамоновых. Собр. соч., т. 16, М., 1952, стр. 367. Так рассуждает Илья Артамонов, старший в их роде, о растущей силе и власти своей фамилии. Фразеологизм подчеркивает одну из самых центральных идей социального романа Горького.

В. Маяковский («Хорошо», 13. Полн. собр. соч., т. VI, 1934, стр. 165—166) возвращает фразеологизм языку поэзии:

За гладь
за розовую
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова
горят.

Поэт вспоминает годы гражданской войны, годы разрухи и мечтает о теплой стране, где можно было бы выбирать местожительство одно лучше другого, но кончается поэма иными словами: «землю, с которой вместе мерз, вовек разлюбить нельзя». После приподнятых, романтизированных образов — «розовая даль моря», «гладь розовая» — традиционное значение фразеологизма переводит текст в разговорно-бытовой план. Нельзя не отметить, что В. В. Маяковский значительно обновил и формы фразеологизма; глагол взял в несовершенном виде, а существительное дал во множественном числе.

О широте распространения метафоры «бросить якорь» в языке советской литературы говорит и употребление словосочетания в повести В. Воровского «Корабль-скиталец», рассказывающей о революционном подвиге броненосца «Потемкин»: «В тот момент, когда под напором народной волны рухнет подгнившее здание насилия ... корабль-скиталец русской революции бросит якорь у берега свободной страны». В. В. Воровский. Избр. произведения о первой русской революции. М., 1955, стр. 12. «Бросить якорь» не теряет своего прямого значения, но революционно-символический контекст придает ему более глубокий смысл.¹⁵

Получив широкий доступ в язык поэзии и прозы, фразеологизм и в наши дни остается широко употребительным в разговорном языке моряков и в их профессиональной печати, напоминая о той социальной среде, откуда он вышел: «И все же по-человечески понятна озабоченность некоторых офицеров и их семей тем, где им лучше бросить якорь, чем заняться, чтобы дальнейшая жизнь была радостной и счастливой». Газ. «Советский флот», 29 IV 1960, № 102 (6123).

«Бросить якорь» сделало фразеологизмом другое сугубо профессиональное, терминологическое словосочетание — «отдать якорь», передав ему свое метафорическое значение вместе с иронической окраской: «Отправимся в сухопутный рейс ... попутно отдадим якоря в рыбных магазинах Москвы, не в центре столицы, на окраинах». Известия, 27 VII 1967, № 175 (15569). Однако иллюстраций с переносным «отдать якорь» пока еще очень мало. Утвердится ли этот вариант в речевой практике, сказать трудно.

Само собой разумеется, что анализируемое словосочетание не перестает употребляться и в собственном терминологическом первичном значении:

¹⁵ Вот еще иллюстрация из языка того же произведения с введением в словосочетание переносно-выразительного определения «заржавевший»: «Так боролись и страдали они (революционеры, — Б. Б.) долгие годы ... и гибли с глубокой верой, что придет день, когда корабль-скиталец при радостных криках народа войдет в гавань и бросит, наконец, свой заржавевший якорь» (стр. 10).

«Пароходы „Победа“ и „Память Гурьянова“ ... бросили якорь у берегов Камы». Известия, 23 VI 1967, № 146 (15540).

Подведем итоги. Словосочетание «бросать (бросить) якорь» издавна означает самую привычную для водников операцию, каждое слово в нем имеет свое обычное прямое значение. Но в истории языка словосочетание подверглось переосмыслению, ослабло конкретное значение компонентов, возникло вторичное метафорическое значение — «обосноваться, остаться постоянно жить на выбранном месте». При этом переосмысление произошло все в том же профессиональном языке моряков.

Позднее, выйдя за пределы узкого обращения, метафорическое словосочетание вошло в литературный язык, приобрело разностороннюю семантическую емкость, стало широко употребляться в языке разных жанров художественной литературы, коротко и выразительно указывая либо какую-нибудь черту характера персонажа, либо перемену условий жизни, подчеркивая идейную сторону произведения, принимая при этом разные стилистические краски.

Словосочетание прочно вошло в фонд фразеологизмов русского литературного языка, сохраняясь в то же самое время и в языке моряков, устном и письменном, где издавна бытовало в обоих значениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бова — Сказание про храброго витязя про Бову Королевича. В кн.: В. И. Дунаев. Библиотека старорусских повестей. М., 1915.
- Гист. Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кариотском... В кн.: В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., I. СПб., 1905.
- ДАИ IV — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией, т. IV, СПб., 1851.
- Дн. Толст. — Путешествие стольника П. А. Толстого 1697—1699 гг. Русский архив, М., кн. 1, 1888.
- Ж. и чуд. Николы — Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. арх. Леонида. СПб., 1881 (ПДП, XXXIV).
- Ж. Нифонта — Житие Нифонта. Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Підготував до друку А. В. Ристенко. Одеса, 1928.
- Кириша Дан. — Сборник Кириши Данилова. Изд. Публ. библ. Под ред. Л. Н. Шеффера. СПб., 1901.
- Краш. Опис. Камчатки — С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1755.
- Лекс. трезяз. — Лексикон трезязычный Федора Поликарпова. М., 1704.
- М. Грек — Сочинения преподобн. Максима Грека, т. II. Изд. при Казанск. дух. акад., Казань, 1860.
- Онеж. был. Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
- Похожд. Рад. — Похождение в асмяю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584. Приготовил к печати и объяснил П. А. Гильтебрандт (Прил. к XV т. Изв. РГО, СПб., 1879).
- Птр. I — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887.
- Ремез. лет. — Ремезовская летопись. В кн.: Сибирские летописи. СПб., 1907.
- Сим. посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. Чч. I, II. СПб., 1899 (сб. ОРЯС, т. 66, № 7).
- Устав мор. — Книга устав морской... СПб., 1720.